

Ночь словно решила отгрызать у дня по кусочку, всё больше и больше, пока не остался лишь жалкий серый клочок до и после полудня. То недолгое время, когда бледное, цвета жирного молока солнце как-то пробивалось к земле сквозь белёсую пелену зимней дымки, сплошь устилающей небо. Воздух стал недвижимым и прозрачно-холодным. И каждый раз, когда Баки высовывал свой нос из-за шкуры и вдыхал полной грудью, он обжигал ему всё внутри, вымораживал до острой боли. Потом, конечно, проходило, но невольно Баки хмурился всё чаще, подолгу смотря на огонь внутри землянки. Тот должен был гореть постоянно, и всё, чем сейчас мог и должен был заниматься Баки, это рубить сухостой, заготавливать дрова и охотиться.

Он поднимался рано, словно кто-то подходил и с силой толкал его в плечо — и Баки будто просыпался от этого. Просыпался часто раньше друида, каждый раз вспоминая ночь и утро после Самхейна. Тепло обнажённого тела, хрупкого, с острыми локтями и коленями. Тела, доверчиво прижавшегося к нему кожа к коже. Тела, которое было нельзя, и от этого только сильнее кружилась голова и стучало в груди, словно Баки перебрал доброго вина. Он вспоминал тяжесть двух шкур, наваленных сверху, и собственный жар, который не грел уже, а бездумно сжигал изнутри. И смирение, вдруг затопившее с первым лучом солнца. Покой, такую незыблемую тишину внутри, которую прежде Баки не знал — когда друид, Стив, доверчиво и незащитно ткнулся ему носом куда-то под ключицу, да так и замер.

У него были свои дела в преддверии холодов. У друида — свои. Иногда тот вставал раньше и уходил куда-то совсем затемно. И Баки понадобилось прочитать однажды его следы, когда на замёрзшую твёрдую землю выпала первая крупитчатая позёмка. Прочитать и понять, что друид ходит к ведьме. И таскает ей мясо, которое Баки добывал для них.

Он тогда схватил топор и с такой силой врубил его в ближайший ствол, что потом долго, долго пытался вытащить, неловкое однорукое чудовище. Злой пот тёк по его лбу, вискам и шее, в глазах едко и обидно щипало. А хоть бы она и сдохла. Сдохла от голода, рядышком с тем трупом, с которым она спит, обнимаясь. Он, Баки, не стал бы лить слёз. Пускай бы сгинула. Друиду осталось бы меньше работы. И мясо их было бы целее.

И зачем-то каждый раз Баки всё равно ходил и бил больше птицы и зайцев, чем им было нужно. Так много, сколько мог унести, сколько мог забить, пока дичь сама шла ему в руки. Порочный замкнутый круг, из которого он не мог выбраться. В голове у себя хотел бы убить её, злился до белой пелены перед глазами. А на деле — не мог. Стив возвращался оттуда и зачем-то каждый раз высматривал Баки, пытался поймать взгляд. И робкая, какая-то незнакомая этому лицу улыбка касалась краешков его губ — на миг всего. Чтобы снова исчезнуть, будто ветер сдувал или снежная крупа стирала её с кожи.

Друид прибирал свои травы в пучки и развешивал их под сводом берлоги, пока весь свод не превратился в травяной полог. Травы впитывали в себя запахи дыма и ароматы готовящейся еды, но друида это не волновало, а вслед за ним перестал об этом думать и Баки. Особенно после того, как увидел Стива с большой костяной иглой в руке и вощёной воском нитью, сгорбившегося у огонька в их очаге, поближе к свету. На его коленях лежала шкура, и Баки, завесившись отросшими волосами, начал исподтишка выглядывать, что это друид растачивает. Перешивает ли? Время близилось к закату, когда становилось совсем непроглядно темно, и рукава у меховой накидки были слишком длинными для друида. Быть может, одежда его наставника. Она была бы как раз по друидовым плечам, и хоть руки у него были не столь

длинные, известно, что лишнее отрезать всегда проще чем сшить. А потом Стив не глядя кинул шкуркой в него и принялся выжидать, смотря не в глаза, а куда-то на подбородок.

— Надевай. Скоро станет совсем холодно.

Баки тогда поймал его взгляд, наконец, и сжал своим, словно кулаком. Почувствовал будто бы, как по чужой спине прошла крупная дрожь. Его собственная нижняя челюсть уже выдвинулась вперёд, перед глазами заплясали чёрные точки. Порыв злости едва не лишил его разума. Он как мог осадил себя, натянул меховушку на голову, сунул руку в рукав. Шкура села на рубаху как влитая, расписанные плечи пришлось впору. Даже пустой отрезанный до половины и зашитый слева рукав служил немым укором тому, как он раньше не понял. Баки резко поднялся и замер на входе, нырнул под полог, и пока шкура ещё не опустилась за его спиной, обернулся. Посмотрел в глаза друиду, который словно сжался под этим взглядом, развернулся и вышел в темноту и ветер, швыряющий в лицо первый снег. Холод медленно пробирался под его одежду, путался в волосах, ледяной змеей заползал в рукав. Железной ладонью забрался под килт и будто сжал яйца, огладил голые бёдра. А ведь ещё даже не середина зимы, и до Белтейна так далеко. Доживут ли? Одежду нужно было менять. Просить у друида тёплые кожаные штаны на меху под килт из тех шкур, что они успели заготовить, потому что не успевал он сходить до ветру, как мошонка начинала звенеть на морозе.

Деревья, растерявшие последние золотые листья-капли, тихо вздыхали, когда ветер набирал силу. Это был не скрип, а кашель тяжёлого больного, и роща, так полюбившаяся Баки летом, теперь казалась неудобной и серой, казалась ловушкой, как частая рыболовная сеть, накинутая на небо. Внутри с каждым древесным вздохом поднималась тревога. Только поэтому он не пошёл далеко, как хотел изначально. Облегчившись у ствола старой осины, Баки развернулся и побрёл обратно к берлогу. Бодро, прижав руку к животу, чтобы хоть как-то помешать ветру забираться в единственный рукав. И когда нырнул под полог берлоги, в дымное тепло и свет, когда шкура закрыла холод с той стороны, огородив их маленький и хлипкий мирок на двоих, друид глянул на него с непонятной решимостью и почему-то виной, будто хотел что-то сказать, но всё не говорил и не говорил, а Баки просто спёкся уже выжидать. Потому и перестал, ничего не ждал уже. Не давал себе повода надеяться на осмысленный разговор. Друид молчал, и Баки принял это, как должное.

— Это всё наставника, — хрипло проговорил вдруг Стив, глухо и неразборчиво, но Баки понял сразу, по-животному наострил уши. И друид начал что-то искать рядом с собой, пока не протянул ему ещё один свёрток. Протянул, дожидаясь, пока Баки подойдёт ближе и заберёт из его рук. — Должны подойти. Перешить не смогу, кожа толстая. Каждую дырку придётся колоть шилом.

<http://erolate.com/book/3459/83624>